

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'42: 82.091

Алефиренко Николай Фёдорович

доктор филологических наук
Белгородский государственный университет
alefirenko@bsu.edu.ru

Озерова Елена Григорьевна

кандидат филологических наук
Белгородский государственный университет
ozerova@bsu.edu.ru

ОСОБЕННОСТИ ЛИРИКОПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТОПОРОЖДЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

В статье рассматриваются закономерности порождения лирико-поэтического текста как продукта дискурсивной деятельности художника слова. Проводится мысль о том, что дискурс поэтической прозы является определённой моделью мира, в которой прошлое содержание жизни не только эстетически сохраняется творческим переживанием, но и служит основой авторского замысла в процессе текстопорождения.

Ключевые слова: текстопорождение, поэтическая проза, эготоп, дискурс, лингвосинергетика, речевая семантика, память.

Текст поэтической прозы (ПП) – особый продукт лирикопрозаической дискурсии (см.: [1, с. 5]). Его своеобразие обусловливается способом художественной репрезентации действительности: преломляясь в эготопе и ассимилируя соответствующие эмотивно-смысловые впечатления, актуализируемые языковой памятью автора, художественно-словесная интерпретация описываемой действительности осуществляется в процессе её вторичного ценностно-смыслового переосмысления на фоне социально значимых субъективных переживаний. Образующая при этом этнокультурная синергетика мысли, чувства и слова выступает главным фактором интенциональности лирикопоэтического текстопорождения. А концептуальным основанием текстопорождения ПП выступает долговременная память, в данной речевой ситуации актуализирующая те смыслы, которые, проходя через чувственность сенсорной модальности, выходят за её пределы – в мир амодального мировосприятия (ср.: [7, с. 5]). Способность понять и оценить ситуацию «вытекает из возможности сравнить её с соответствующими ситуациями в прошлом опыте» [6, с. 116], хранимом языковым сознанием автора. Проблема языковой памяти является основополагающей категорией лингвопоэтики ПП. Тем более, что её сущность всё ещё остаётся в нашей науке белым пятном. Мы исходим из концепции А.Р. Лурия, который под памятью предлагал понимать процесс, который позво-

ляет человеку сохранять и воспроизводить следы прежнего опыта и реагировать на сигналы и ситуации. Сущность языковой памяти вытекает из устройства памяти вообще, которая включает в себя эпизодическую (событийную, или ситуативную) и семантическую информацию, что соответствует (а) запоминанию отдельных эпизодов, событий, происходивших в определённое время и (б) их отображению в языковой семантике. Эпизодическая память является продуктом перцептивной деятельности субъекта, результатом того, что было воспринято им в чувственно-созерцательном опыте. Именно такая память, отмечает Е.С. Кубрякова, опираясь на работы Э. Тульвинга, связана «со временем, тогда как семантическая память существует безотносительно к нему» [6, с. 117]. Объектом языковой памяти является прежде всего семантическая информация, актуализация которой сопровождается воспроизведением событийной, дискурсивно обусловленной информации. Языковая память автора лирикопоэтического текста представляет собой, если перифразировать Б.М. Гаспарова, грандиозный конгломерат, накапливаемый и развивающийся в течение всей его жизни. Она заключает в себе в полусплавленном, ассоциативно подвижном, текучем состоянии различные форматы речемыслительной деятельности: гигантский запас коммуникативно заряженных частиц языковой ткани разного объема; речепрагматические фактуры, разной степени отчетливости и законченности:

– отдельные словоформы, каждая в окружении целого поля более или менее очевидных сочетательных возможностей;

– готовые словесные группы, в каждой из которых просматриваются различные возможности модификации, расширения, усечения, замены отдельных элементов [см.: 3, с. 105].

Надо отметить, что язык и память, образуя единое целое (языковую память), выполняют вполне специфические функции. По данным О.Г. Ревзиной, память оказывается тесно связанной с моральным словарём, а человеческий язык является хранилищем знаний о мире, которые человек удерживает в памяти и которые формируют его картину мира. В значениях слов и выражений, в языковых метафорах зафиксированы представления о том, что такое память и какие процессы с ней связаны. Так складываются «народные» теории памяти и забвения, если воспользоваться выражением американского исследователя Дж. Лакоффа. «Народные теории» принадлежат разным языкам и разным языковым сообществам, но в них выделяются универсалии, которые можно назвать человеческими универсалиями памяти.

Для текстопорождения ПП важны обе составляющие языковой памяти (эпизодическая и семантическая), позволяющие эготопу обобщать опыт и «переплавлять» его в текст. Закономерность текстопорождения ПП определяется тем, что и эпизодическая и семантическая память сосуществуют в сознании эготопы. Благодаря их сосуществованию события воспроизводятся (а) через актуализацию хранимого в языковой памяти определённого времени, в котором находился субъект текстопорождения, и (б) рекуперацию тех чувств и переживаний, которые сохранились в его памяти. В итоге процесс порождения лирикопрозаического текста сопровождается наполнением новой энергетикой воспоминаний о прошедшей жизни.

Ср.: *Сегодня непарный день, все парильщики свободны. Да хоть бы и гостей мыли, извинились бы для такого раза, Сергей Иванович, хозяин, выздоровел, приехал в бани. И все молодцы в один голос закричали:*

– Радость-то нам какая! Мы с вас, Сергей Ваныч, остатнюю болезнь, какая ни есть, скатим! Болезнь в подполье, а вам здоровье!..

Народу набилось – полна «тридцатка». Все глядят на отца и на меня, мне даже стыдно.

Горкин доволен, что ребята так деликатно себя оказывают. Говорит мне, что этого за денежки не купишь, душой любят.

Когда у бань толпился народ, кто-то из молодых сказал:

Живой водой приехал окачиваться Сергей Иванович.

Запомнилось мне это (И.С. Шмелёв, «Лето Господне»).

Именно это воспоминание (*радость вызвана надеждой на то, что отца, которого все душой любят, исцелит живая вода*) явилось мотивацией и модусом текстопорождения рассказа «Живая вода» повести И.С. Шмелёва «Лето Господне». Важными для оказания воздействия на сознание эготопы являются те эмоциональные коннотации, которые воздействуют на чувства и переживания.

Итак, первая закономерность текстопорождения ПП состоит в том, что в основе текстопорождения ПП находится апостериорно-чувственная и ассоциативная память, которая, актуализуясь в переживаниях и воспоминаниях эготопы, воплощается в текст.

Второй закономерностью текстопорождения является синергетика смысловой и эмотивной информации, раскрывающейся через призму когнитивно-коннотативного авторского видения потенциального дискурса ПП. За каждым текстом как продуктом дискурса стоит «духовный облик личности, мир её ценностей, идеалов, устремлений, выражающихся в чертах характера и стереотипах поведения, методе мышления, социально-жизненных целях и конкретно избираемых путях их достижения» [5, с. 69].

Люди совсем не одинаково чувствительны к смерти. Есть люди, что весь век живут под её знаком, с младенчества имеют обострённое чувство смерти (чаще всего в силу столь же обострённого чувства жизни).

Когда и как приобрёл я веру в бога, понятие о нём, ощущение его? Думаю, что вместе с понятием о смерти. Смерть, увы, была как-то соединена с ним (и с лампадкой, с чёрными иконами в серебряных и вызолоченных ризах в спальне матери). Соединено с ним было и бессмертие. Бог – в небе, в непостижимой высоте и силе, в том непонятном синем, что вверху, над нами, безгранично далеко от земли: это вошло в меня с самых первых дней моих, равно как и то, что, невзирая на смерть, у каждого из

нас есть где-то в груди душа и что душа эта бессмертна (И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Духовный облик автора формировался с детства (*это вошло в меня с самых первых дней моих*) под влиянием социально-жизненных и ценностных идеалов (*лампадка, чёрные иконы в спальне матери; Бог, душа бессмертна*). Духовная традиция является ключевой для текстопорождения лирикопрозаики как осмысление христианской сущности человека и православной картины мира. Духовность, отмечает Ю.Н. Караулов, «опредмечивается в речевых поступках человека, языковым его поведении, то есть в широком смысле – в текстах, им порождаемых» [5, с. 70].

Таким образом, вторая закономерность текстопорождения ПП обуславливается синергетикой духовного и ценностно-смыслового знания, эксплицируемого языковой памятью авторского восприятия действительности.

Третья закономерность текстопорождения ПП – в формировании нарративного модуса, наполняющего повествование живым поэтическим звучанием. Особенность текстопорождения ПП обуславливается эготопом рассказчика, его лирическими переживаниями и сложной диалектикой речи-мышления (термин С.Д. Кацнельсона). Именно он исполняет роль своего рода призмы словесно-художественного изображения, через которую активизируются те текстопорождающие факторы, которые являются особенно ценными и значимыми для художественно-дискурсивной деятельности автора лирикопрозаического произведения. Именно эта особенность текстопорождения позволила В. Шкловскому сравнить лирическую прозу с кристаллом, через который интерпретируется жизнь. Наполнение текстов ПП внутренним психологическим содержанием, раскрытие многообразного мира личности является тем модусом, который наполняет повествование живым поэтическим звучанием.

Помню поездки к обедне, в Рождество (Н. А., Е. О. Рождество Пресвятой Богородицы, 8 сентября).

Тут всё необычайно: кучер в жёлтой шёлковой рубашке и плисовой безрукавке на козлах тарантаса, запряжённого тройкой; отец с свежесбранным подбородком и по-городскому одетый, в дворянском картузе с красным околышем, ...мать в красивом, лёгком платье со множеством оборок; я, напомаженный, в шёл-

ковой рубашечке, с праздничной напряжённостью в душе и теле...

А в церкви – теснота, тёплая, пахучая жара от этой тесноты, от пылающих свечей, от солнца, льющегося в купол, и чувство тайной гордости: мы впереди всех, мы так хорошо, умело и чинно молимся, священник после обедни подаёт нам целовать пахнущий медью крест прежде всех, кланяется подобострастно... (И.А. Бунин, «Жизнь Арсеньева»).

Раскрытие многообразного мира личности автора – модуса, наполняющего повествование живым поэтическим звучанием, осуществляется благодаря возможности оценить прошлый опыт, погрузиться в то эмоциональное состояние (*я, напомаженный, в шёлковой рубашечке, с праздничной напряжённостью в душе и теле*), которое тогда переживал автор и которое в настоящей действительности воспринимается как воспоминание-гармония (*чувство тайной гордости: мы впереди всех, мы так хорошо, умело и чинно молимся*). Дискурс ПП является определённой моделью мира, в которой прошлое содержание жизни не только эстетически сохраняется творческим переживанием, но и продолжается в авторских замыслах текстопорождения.

Всякое психическое явление, отмечает Ф.Е. Василюк, характеризуется своей отнесённостью к той или иной модальности (чувству, памяти, мышлению), а со стороны внутренней структуры 1) наличием «имманентной предметности» (Ф. Brentano) или «предметного содержания» (С.Л. Рубинштейн) и 2) тем, что оно непосредственно испытывается субъектом. Именно последний аспект психического явления и зафиксирован в психологии: «переживание в психологии понимается как непосредственная внутренняя субъективная данность психического явления в отличие от его содержания и модальности» [2, с. 7].

Иногда, отмечает митрополит Антоний (Блум) в проповеди «О покаянии», мы осознаём, что плохи или должны быть иными в том или другом отношении, а чувством мы этого не можем пережить. Дискурс ПП – то пространство, которое создано благодаря тому, что было прочувствованно, пережито авторами ПП. *Никем я не очаровывался давно и не поддавался влиянию, принимая на веру только пережитое* (В.Н. Кручин, Выбранные места из дневников 70-х годов).

В сложном процессе текстопорождения ПП можно выделить четыре уровня: 1) целевую за-

вершённость и исчерпанность как степень дискурсивной ориентации текста (см.: Ю.М. Лотман); 2) знаковую оформленность как состав знаковых средств, позволяющих выявить и удержать смысловую полноту содержания, так как текст, по мнению А.М. Пятигорского, обладает единым текстовым значением и в этом отношении может рассматриваться как нерасчленимый сигнал; 3) коммуникативную адекватность как включённость текста в определённый масштаб текстообменных процедур; 4) смысловую содержательность как фрагмент внетекстовой действительности, так как, по мнению Ю.М. Лотмана, «вся совокупность исторически сложившихся художественных кодов, делающая текст значимым, относится к сфере внетекстовых связей, которые могут быть описаны как отношение множества элементов, зафиксированных в тексте, к множеству элементов, из которого был осуществлен выбор данного употреблённого элемента.

По мнению Н.И. Жинкина, «смысл возникает не только в лексемах. Он начинает формироваться ещё до языка и речи... Образование смысла в речи, надо думать, происходит в особом механизме коммуникации» [4, с. 84]. Можно себе представить некоторый смысл, отмечает Ю.М. Лотман, «который остаётся инвариантным при всех трансформациях текста. Этот смысл можно представить как дотекстовое сообщение, реализуемое в тексте» [8, с. 157]. В художественном тексте как форме коммуникации дифференцируются два аспекта его смыслового развертывания: лингвистический и экстралингвистический. Первый предполагает систему контекстуального выдвигания отобранных автором и особым образом организованных речевых средств, призванных активизировать творческое воображение читателя в нужном для писателя русле. Второй (экстралингвистический) аспект смыслового развертывания произведения характеризуется прагматической направленностью, определяющей особый ассоциативно-образный характер отражения эстетической информации в сознании читателя [см.: 9, с. 368].

Тексту ПП присуща внутренняя организация, превращающая его на синтагматическом уровне в структурное целое. Поэтому для того, чтобы некоторую совокупность фраз естественного языка признать текстом ПП, следует убедиться, что они образуют некую структуру вторичного типа на уровне художественной организации. Условием текстопорождения в ПП является нали-

чие такой действительности, которая давала возможность проявлению субъективного переживания.

Порождение речи, наряду с пониманием речи, является главным процессом речевой деятельности, которая реализует коммуникативную компетенцию автора лирикопрозаического текста. Для акта лирикопрозаической коммуникации важно, чтобы эготоп автора и читателя имел как можно больше пересекающихся ассоциаций и чувственно-духовных кодов переживаний, идеальным является полное совпадение, наложение эготопа адресата на эготоп адресанта.

Итак, для текстопорождения ПП как продукта художественной дискурсии характерными являются следующие факторы:

- в основе текстопорождения ПП находится апостериорно-чувственная и ассоциативная память, которая, актуализируясь в переживаниях и воспоминаниях эготопа, воплощается в текст;
- синтез смысловой и эмотивной информации при текстопорождении раскрывается через призму когнитивно-коннотативного авторского видения в дискурсе ПП;

- в центре текстопорождения ПП находится эготоп рассказчика, его лирические переживания и диалектика мысли, именно он становится объектом изображения, рассматривая тот круг текстопорождающих вопросов, которые являются ценностным и значимым материалом для автора лирикопрозаического произведения.

Примечания

¹ Работа выполнена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

² *Эготоп* – субъективно-индивидуальное восприятие действительности, соотнесенность объекта художественного описания с «Я-личностью», создание определенных эго-смыслов, эго-воспоминаний, эго-оценок.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Дискурсивное сознание: Живодействующая связь языка, познания и культуры // Живодействующая связь языка и культуры: Материалы Междунар. науч. конф., посвященной юбилею доктора филологических наук профессора В.Н. Телия: В 2 т. – М.; Тула: Изд-во Тульск. гос. пед. ун-та, 2010. – С. 5–10.

2. Васильюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). – М., 1984. – 200 с.
3. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
4. Жинкин Н.Н. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 160 с.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2003. – 261 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1997. – 245 с.
7. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. – 1979. – №2. – С. 3–13.
8. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. – М.: Искусство, 1998. – 265 с.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 392–395.

УДК 81.42

Бакулин Михаил Алексеевич

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
tabakulin81@gmail.com

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ДЕТЕКТИВНОГО РОМАНА

В статье раскрываются особенности функционирования гендерных стереотипов в современных «мужских» и «женских» детективных романах, отражение гендерной информации в различных социальных моделях поведения, которые становятся основой создания образов персонажей, выражением их гендерной идентичности.

Ключевые слова: лингвокультурология, детективный роман, концептосфера, гендерный стереотип, социальные роли.

Лингвокультурологическое описание особенностей национальной когнитивной картины мира на материале современной массовой литературы является перспективным, так как, в отличие от элитарной и авангардной литературы, массовая литература «ориентирована на потребности и вкусы широкой публики, ее характерными чертами являются общедоступность, легкость восприятия, развлекательность, упрощенность», отсюда следует ряд нетривиальных функций массовой литературы: «от воспроизводства и трансляции базовых ценностей культуры, консолидирующих общество, их адаптации к массовому восприятию до тематизации проблем и целей общественного развития» [2, с. 87]. В когнитивной картине мира, которая понимается как «совокупность концептосферы и стереотипов сознания, которые задаются культурой» [6, с. 52], одно из главных мест занимают гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины. Поэтому изучение репрезентации гендерных стереотипов в современных детективных романах позволит выявить: 1) особенности содержания гендерных стереотипов в их соотносительности с национально-культурными

представлениями о мужчине и женщине; 2) средства репрезентации стереотипов, которые могут оказывать воздействие на адресата, его представления и социализацию в целом.

Объектом нашего анализа являются современные российские детективные романы, так как они составляют большую долю на книжном рынке; например, согласно статистическому отчету Книжной палаты Российской Федерации, наиболее издаваемыми авторами по художественной литературе за 2010 год являются Д. Донцова, Ю. Шилова, Т. Устинова, Т. Полякова, А. Маринина, А. и С. Литвиновы, В. Колычев, то есть авторы, создающие произведения в жанре детектива. Необходимо отметить, что детективными романами мы называем достаточно широкий круг произведений. Так, произведения В. Колычева и Ф. Незнанского близки к жанру боевика, в романах Т. Устиновой важным становится любовный сюжет. Главными признаками в выделении жанра детектива являются: 1) сюжет строится вокруг раскрытия преступления; 2) в произведении изображается современная для читателя действительность. Кроме того, большую роль играет гендерная стратификация ряда издательских проектов: 1) существуют книжные серии, ориентированные либо на мужскую, либо на женскую чи-